

18+

ВИКТОР КОРОЛЬКОВ

Кельтская Ирландия: мифы, легенды и саги

Виктор Корольков

Кельтская Ирландия: мифы, легенды и саги

<https://litres.ru/74307013>

ISBN 9785007088053

Аннотация

Перед читателем открывается мир древней Ирландии, где боги живут рядом с людьми, герои вступают в поединки ради чести, а любовь способна изменить судьбу королевств. В сборник вошли сказания Мифологического и Уладского циклов — истории Этайн, Энгуса, Фроэха, Кухулина, Дердриу и других героев. Тексты представлены в современной литературной редакции и дополнены краткими пояснениями к образам, обычаям и мифологическим мотивам.

Содержание

Предисловие	5
«Сватовство к Этайн»	8
Разрушение Дома Да Дерги	47
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Кельтская Ирландия: мифы, легенды и саги

Виктор Корольков

© Виктор Корольков, 2026

ISBN 978-5-0070-8805-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

В этой книге собраны древнеирландские сказания о богах, королях и героях. Они принадлежат преимущественно к Мифологическому и Уладскому циклам и переносят читателя в мир, где человеческая история тесно переплетается с чудесным.

Обитатели Иного мира вступают в союзы с людьми, принимают облик птиц и животных, живут в древних холмах и вмешиваются в судьбы королевств. Здесь клятва может оказаться сильнее оружия, нарушение гостеприимства приводит к войне, а слава героя нередко требует короткой и трагической жизни.

Особое место в сборнике занимают предания о Кухулине — величайшем воине Улада. Они рассказывают о его необыкновенном рождении, ранних подвигах, победах, любви и потерях.

Ирландские саги формировались на протяжении многих столетий. До записи они существовали в устной традиции, поэтому в них встречаются повторы, резкие переходы и разные версии одних событий. Эти особенности сохранены как часть древнего повествования.

После каждого произведения помещено краткое разъяснение главных образов и мифологических мотивов. Однако сначала сагу лучше прочитать как самостоятельный рассказ,

не пытаясь заранее свести её содержание к единственному толкованию.

Перед нами голоса многих поколений рассказчиков и память о мире, где граница между человеком и чудом оставалась открытой.

Предисловие

Сватовство к Этайн

«Сватовство к Этайн» — одна из самых известных и необычных повестей средневековой ирландской традиции. В ней соединяются миф о народе богини Дану, история любви и утраты, повествование о превращениях и новом рождении героини, а также мотивы власти, договора, клятвы и соперничества между человеческим миром и миром сидов.

Сага дошла до нас в составе средневековых рукописей, однако описываемые в ней сюжеты и образы восходят к значительно более ранней устной традиции. Поэтому в повествовании соседствуют разные представления об одних и тех же героях, повторяются отдельные мотивы, а события порой развиваются не по привычной для современного читателя логике. Эта неоднородность является не недостатком текста, а частью его многовековой истории.

Настоящая версия представляет собой современную литературную редакцию саги. Последовательность основных событий, действующие лица, мифологические мотивы и содер-

жание эпизодов сохранены. Язык был сделан более ясным и естественным для современного русскоязычного читателя, однако в текст не добавлялись новые сюжетные линии, сцены или авторские варианты развития событий.

Имена персонажей и географические названия переданы в формах, близких к принятым в русскоязычных публикациях ирландских преданий. Некоторые понятия — такие как сиды, Самайн, Тара, Бруг-на-Бойн и фидхелл — оставлены без полной замены современными аналогами, поскольку они принадлежат особому культурному миру древней Ирландии и не всегда имеют точное соответствие в русском языке.

После текста саги помещено отдельное разъяснение мифа. Его задача — помочь читателю разобраться в связях между персонажами, понять значение превращений Этайн и увидеть темы, которые проходят через всё повествование. Саму сагу при этом лучше сначала прочесть как художественное произведение — не пытаясь заранее свести её образы к единственному толкованию.

Перед нами история о женщине, чья судьба связывает два мира и несколько эпох. Она проходит через утрату облика и памяти, новое рождение, любовь, ревность и борьбу за право распоряжаться собственной судьбой. Именно благодаря этой многозначности «Сватовство к Этайн» продолжает оставаться живым произведением, несмотря на столетия, отделяющие современного читателя от времени его записи.

«Сватовство к Этайн»

Над Эриу, как в древних сказаниях называли Ирландию, правил знаменитый король из Туата Де Дананн, и звали его Эху Оллатир. Другое его имя было Дагда, ибо он творил чудеса, властвовал над погодой и урожаем, и потому его называли Благим Богом.

У Элкмара из Бруг-на-Бойнне была жена по имени Этне, хотя её называли также Боанд. Дагда пожелал возлечь с Боанд, и она позволила бы ему это, но боялась Элкмара и величия его силы.

Тогда Дагда отправил Элкмара в путь к Брессу, сыну Элаты, в Маг Нинис; а когда Элмар уходил, Дагда наложил на него великие заклятия: чтобы тот не вернулся скоро, не заметил наступления ночи и не чувствовал ни голода, ни жажды. Дагда поручил ему важные дела, и девять месяцев прошли для Элкмара как один день, ибо он сказал, что вернётся до наступления ночи.

Затем Дагда возлэг с женой Элкмара, и она родила ему сына, которого называли Энгусом. Ко времени возвращения Элкмара Боанд уже настолько оправилась, что он ничего не заподозрил и не узнал, что она была с Дагдой.

Дагда отдал сына на воспитание Мидеру в Бри Лейт, в Тетбе, и Энгус воспитывался там девять лет. У Мидера в Бри Лейт было поле для игр; там собирались три пятидесят-

ка юношей Эриу и три пятидесятка девушек. Энгус был их предводителем — из-за любви Мидера к нему, а также из-за его красоты и знатности рода. Его называли также Мак Ок, то есть Юный Сын, ибо его мать сказала: «Юн тот сын, который был зачат на заре и рождён до наступления сумерек».

Однажды Энгус поссорился с Триатом, сыном Фебала — или Гобора, — из Фир Болг. Триат тоже был воспитанником Мидера и другим предводителем в играх. Энгус не пожелал говорить с Триатом и сказал:

— Меня гневит, что сын раба смеет говорить со мной.

Так он сказал потому, что считал Мидера своим отцом и думал, что ему принадлежит наследство Бри Лейт, не зная о своём родстве с Дагдой.

Но Триат ответил:

— А меня не меньше гневит, что со мной говорит подкидыш, который не знает ни своей матери, ни своего отца.

Энгус ушёл к Мидеру, огорчённый и в слезах из-за того, что Триат его опозорил.

— Что случилось? — спросил Мидер.

— Триат насмеялся надо мной и бросил мне в лицо, что у меня нет ни отца, ни матери.

— Ложь, — ответил Мидер.

— Кто же тогда мой отец и мать?

— Эху Оллатир — твой отец, а Этне, жена Элкмара из Бруг-на-Бойнне, — твоя мать. Я воспитал тебя без ведома Элкмара, чтобы ему не было больно узнать, что ты был зачат

за его спиной.

— Тогда пойдём со мной, — сказал Энгус, — чтобы мой отец признал меня и чтобы Фир Болг больше не могли отгонять меня и поносить.

Итак, Мидер отправился со своим воспитанником к Эху. Они пришли в Усних Миде, в центр Эриу, ибо именно там жил Эху, а Эриу простиралась оттуда одинаково далеко во все стороны: на север и юг, на восток и запад.

Они нашли Эху на собрании, и Мидер отвёл его в сторону, чтобы поговорить о юноше.

— Чего хочет этот юноша, который прежде никогда здесь не бывал? — спросил Эху.

— Он хочет, чтобы отец признал его и дал ему землю, — ответил Мидер, — ибо неправильно, чтобы твой сын оставался без земли, когда ты король Эриу.

— Добро пожаловать ему, — сказал Эху, — ибо он мой сын. Но земля, которую я выбрал для него, всё ещё занята.

— Что это за земля? — спросил Мидер.

— Бруг-на-Бойнне, на севере, — сказал Эху.

— Кто там находится?

— Элмар, — сказал Эху, — и я не хочу причинять ему ещё больше беспокойства.

— Какой же совет ты можешь дать юноше?

Эху ответил:

— Вот какой. Пусть он войдёт в Бруг на Самайн, и пусть будет вооружён, ибо это день мира и дружбы среди мужей

Эриу, и никто не станет враждовать со своим товарищем. Элкмар будет у Кнокк Сиде в Бруге, без оружия, лишь с развилистой ветвью белой лещины в руке. На нём будет плащ с золотой брошью, и он будет смотреть, как три пятидесятка юношей играют на поле. Энгус должен подойти к Элкмару и пригрозить убить его, но не должен этого делать, если добьётся своей просьбы. А просьба такова: пусть Энгус будет королём в Бруге один день и одну ночь. Но он не должен возвращать землю Элкмару, пока тот не согласится подчиниться моему решению. Энгус должен утверждать, что земля принадлежит ему по праву, потому что он пощадил Элкмара: он попросил царство дня и ночи, а ведь именно в днях и ночах проходит мир.

Затем Мидер отправился в свои земли, а вместе с ним и его воспитанник. На следующий Самайн Энгус вооружился, вошёл в Бруг и пригрозил Элкмару; и тот обещал ему царство дня и ночи в своей земле. Энгус оставался там королём в течение того дня и той ночи, и люди Элкмара исполняли его волю.

На следующий день Элкмар пришёл потребовать свою землю обратно у Мак Ока. Из-за этого возник великий спор, ибо Мак Ок сказал, что не уступит землю, пока Элкмар не поставит этот вопрос перед Дагдой в присутствии мужей Эриу.

Тогда они обратились к Дагде, и он рассудил права каждого согласно их соглашению.

— По праву эта земля теперь принадлежит этому юноше,
— заключил Элмар.

— Именно так, — сказал Дагда. — Он угрожающе занёс над тобой оружие в день мира и дружбы; и поскольку твоя жизнь была тебе дороже земли, ты уступил землю в обмен на пощаду. Но всё же я дам тебе землю не хуже Бруга.

— Что это за земля? — спросил Элмар.

— Клетех и три земли вокруг него. Мальчики из Бруга будут каждый день играть перед тобой, а плоды Боанд будут тебе на радость.

— Справедливо. Пусть будет так, — сказал Элмар.

И он отправился в Клетех и построил там крепость, а Мак Ок остался в Бруге.

Через год после этого Мидер пришёл в Бруг навестить своего воспитанника. Он нашёл Мак Ока на кургане Бруга — был Самайн, — а перед ним играли две группы мальчиков. Элмар смотрел на них с кургана Клетеха, что лежал к югу. Среди мальчиков в Бруге вспыхнула ссора, и Мидер сказал:

— Не тревожься, иначе Элмар может выйти на равнину. Я пойду и помирю их.

Мидер пошёл, но ему было нелегко разнять мальчиков. Более того, в него бросили ветвь остролиста, и она выбила ему один глаз. Мидер вернулся к Мак Оку, держа глаз в руке, и сказал:

— Лучше бы я никогда не приходил узнать о тебе вести, ибо теперь я опозорен: с этим увечьем я не могу ни смотреть

на землю, куда пришёл, ни вернуться в землю, которую покинул.

— Вовсе нет, — ответил Мак Ок. — Я пойду к Диан Кехту, и он придёт и исцелит тебя. Твоя собственная земля снова будет твоей, и эта земля тоже будет твоей, и глаз твой будет исцелён — без позора и увечья.

Мак Ок пошёл к Диан Кехту и попросил его прийти и спасти его приёмного отца, раненного в Бруге на Самайн. Диан Кехт пришёл и лечил Мидера, пока тот не выздоровел.

Тогда Мидер сказал:

— Теперь, когда я исцелён, мне хотелось бы уйти.

— Хорошо, — сказал Мак Ок. — Но останься на год и посмотри на моих воинов, моих людей, мой дом и мою землю.

— Я не останусь, — ответил Мидер, — если не получу награды.

— Какой награды? — спросил Мак Ок.

— Это нетрудно, — ответил Мидер. — Колесницу ценой в семь кумалов, одежды, подобающие моему званию, и самую прекрасную женщину в Эриу.

— Колесница и одежды у меня есть, — сказал Мак Ок.

Тогда Мидер сказал:

— Я знаю женщину, чья красота превосходит красоту всех прочих женщин в Эриу.

— Где она? — спросил Мак Ок.

— Она из Уладов, — ответил Мидер, — дочь Айлиллы, короля северо-восточной части Эриу. Её зовут Этайн Эхра-

де, и она самая прекрасная, самая кроткая и самая красивая женщина в Эриу.

Тогда Мак Ок отправился искать Этайн в дом Айлилла в Маг Нинис. Там его радушно приняли, и он провёл там три ночи. Он назвал себя, рассказал о своём роде и своём народе и сказал, что пришёл просить Этайн.

— Я не отдам её тебе, — сказал Айлилл, — ибо в этом нет выгоды. Знатность твоего рода, величие твоей силы и силы твоего отца так велики, что, если ты опозоришь мою дочь, у меня не будет никакой защиты.

— Вовсе нет, — ответил Мак Ок. — Я куплю её у тебя здесь и сейчас.

— Это тебе будет позволено, — ответил Айлилл.

— Скажи, чего ты хочешь, — сказал Мак Ок.

— Это нетрудно, — ответил Айлилл. — Двенадцать моих земель, которые сейчас являются лишь пустошью и лесом, должны быть расчищены, чтобы на них мог пастись скот и чтобы люди могли жить там во все времена; чтобы они стали пригодны для игр, собраний, встреч и укреплений.

— Это будет сделано для тебя, — сказал Мак Ок.

Затем он вернулся домой и пожаловался Дагде на своё затруднение. Дагда же за одну ночь расчистил двенадцать равнин в земле Айлилла: Маг Махе, Маг Лемна, Маг Нита, Маг Тохайр, Маг Ндула, Маг Тхт, Маг Ли, Маг Лине, Маг Муир-темни.

Когда задача была выполнена, Мак Ок вернулся к Айлил-

лу и потребовал Этайн.

— Ты не получишь её, — сказал Айлилл, — пока не отведёшь с земли к морю двенадцать великих рек, которые находятся в источниках, болотах и топях. Так плоды моря будут доставлены всем народам и семьям, а земля будет осушена.

Мак Ок пошёл к Дагде и снова стал сетовать на своё затруднение. И Дагда за одну ночь направил к морю двенадцать великих рек, где прежде их никогда не видели. Вот эти реки: Финди, Модорнн, Слене, Насс, Амнас, Ойхен, Ор, Бандай, Самуйр, Лохеае.

Когда и эта задача была выполнена, Мак Ок снова пришёл к Айлиллу и потребовал Этайн.

— Ты не получишь её, пока не купишь её, — сказал Айлилл, — ибо после того, как ты уведёшь её, у меня больше не будет от неё никакой пользы, кроме того, что ты дашь мне сейчас.

— Чего же ты хочешь? — спросил Мак Ок.

— Я хочу её вес золотом и серебром, ибо это моя доля её цены. Всё, что ты сделал до сих пор, принесло пользу только её семье и её народу.

— Ты получишь это, — сказал Мак Ок.

Женщину привели в середину дома Айлилла, и за неё отдали её вес золотом и серебром. Это богатство осталось у Айлилла, а Мак Ок взял Этайн и увёл её с собой домой.

Мидер приветствовал их обоих. В ту ночь он возлёт с Этайн, а на следующий день ему дали одежды и колесницу, и

он поблагодарил своего воспитанника. Он прожил год в Бруге у Энгуса, а затем вернулся в Бри Лейт, в свою собственную землю, и взял Этайн с собой.

Когда он уходил, Мак Ок сказал:

— Береги женщину, которую берёшь с собой, ибо тебя ожидает женщина страшного колдовства, женщина, обладающая всем знанием, искусством и силой своего народа. Кроме того, у неё есть моя гарантия безопасности против Туата Де Дананн.

Этой женщиной была Фуамнах, жена Мидера, из рода Беотаха, сына Иарданела. Она была мудра и хитра и владела знанием и силой Туата Де Дананн, ибо друид Бресал воспитал её ещё до её помолвки с Мидером.

Фуамнах приветствовала мужа и много говорила с ним о дружбе.

— Пойдём, Мидер, — сказала она, — чтобы ты увидел свой дом и свои земли, а дочь короля увидела твоё богатство.

Мидер обошёл все свои земли вместе с Фуамнах, и она показала его владения ему и Этайн. Затем он привёл Этайн обратно к Фуамнах. Фуамнах вошла прежде Этайн в дом, где та должна была спать, и сказала ей:

— Место доброй женщины ты заняла.

После этого Этайн села на кресло посреди дома, и тогда Фуамнах ударила её жезлом из алой рябины и превратила в лужу воды.

Затем Фуамнах отправилась к своему приёмному отцу

Бресалу, а Мидер покинул дом, где осталась вода, в которую была превращена Этайн. После этого Мидер остался без женщины.

Жар огня, воздух и кипение земли вместе превратили лужу воды, находившуюся посреди дома, в червя, а затем червя — в алую муху. Эта муха была величиной с голову самого красивого человека в стране, а звук её голоса и биение её крыльев были слаще свирелей, арф и рогов. Её глаза сияли в темноте, как драгоценные камни, а её цвет и аромат могли насытить голод и утолить жажду любого человека. Более того, капли, слетавшие с её крыльев, могли исцелять всякую болезнь, страдание и недуг.

Эта муха сопровождала Мидера, когда он странствовал по своей земле, и её голос и облик питали воинства на собраниях и сходах. Мидер знал, что эта муха была Этайн, и пока она была с ним, не брал себе другой жены, ибо её вид насыщал его. Он засыпал под её жужжание, а она будила его, когда приближался кто-нибудь, кто не любил его.

Наконец Фуамнах пришла навестить Мидера, и, чтобы обеспечить её безопасность, с ней пришли трое из Туата Де Дананн: Луг, Дагда и Огма. Мидер стал укорять Фуамнах и сказал, что, если бы не гарантии тех, кто пришёл с ней, ей не позволили бы уйти. Фуамнах ответила, что не жалеет о содеянном, что предпочитает быть доброй к самой себе, а не к кому-либо ещё, и что куда бы она ни пошла в Эриу, она принесёт Этайн только зло — где бы та ни была и какой бы

облик ни приняла.

Фуамнах принесла от друида Бресала Этарлама великие заклęcia и чары, чтобы изгнать Этайн от Мидера, ибо она знала, что алая муха, развлекавшая Мидера, была Этайн. Пока Мидер мог смотреть на алую муху, он не любил никакой другой женщины и не находил радости ни в еде, ни в питье, ни в музыке, если не мог видеть её и слушать её музыку и жужжание.

Тогда Фуамнах своим друидическим искусством вызвала хлещущий ветер, который вынес Этайн из Бри Лейт. Семь лет не было ни холма, ни вершины дерева, ни утёса, ни горной высоты, куда муха могла бы сесть, — только скалы океана и волны. Она носилась по воздуху, пока наконец не опустилась на одежду Мак Ока на кургане Бруга.

Мак Ок сказал:

— Добро пожаловать, Этайн, измученная странница. Великие тяготы ты претерпела от силы Фуамнах. Ещё не обрела ты счастья, ещё не защищён твой бок союзом с Мидером. Что до меня, он нашёл меня способным к делам с воинствами, к истреблению множества, к расчистке пустошей, к созданию изобилия мира ради дочери Айлилла. Пустое дело, ибо за ним последовало твоё жалкое падение. Добро пожаловать!

Мак Ок приветствовал девушку — то есть алую муху. Он прижал её к груди в складке своего плаща, а затем принёс в свой дом и в свой покой. Этот покой имел воздушные окна

для входа и выхода, и вокруг него Мак Ок повесил алую завесу. Он носил этот покой с собой, куда бы ни шёл, и каждую ночь засыпал рядом с ним, укрепляя дух мухи, пока к ней не вернулись цвет и радость. Покой был наполнен странными благоухающими травами, и Этайн процветала благодаря запаху и цвету этих целительных и драгоценных растений.

Фуамнах услышала о любви и почёте, которые Мак Ок оказывал мухе, и сказала Мидеру:

— Призови своего воспитанника, чтобы я могла примирить вас двоих, а сама я тем временем отправлюсь искать Этайн.

Тогда посланник Мидера прибыл в дом Мак Ока, и Мак Ок пошёл поговорить с ним. Фуамнах же обошла Бруг и вошла с другой стороны. Она обрушила на Этайн тот же самый ветер, так что та была выброшена из покоя и снова отправилась в прежнее странствие — семь лет по всей Эриу.

Хлестание ветра гнало муху в несчастье и слабости, пока она не опустилась на крышу дома в Уладе, где люди пировали. Там она упала в золотой сосуд, находившийся в руке жены Этара, воина из Индбер Кихмане в провинции Конхобара. Жена Этара проглотила Этайн вместе с напитком из сосуда; Этайн была зачата во чреве этой женщины и родилась её дочерью.

Тысяча двенадцать лет прошло от её первого рождения от Айлилла до последнего — от Этара.

После этого Этайн была воспитана Этаром в Индбер Ких-

мане, и вместе с ней воспитывались пятьдесят дочерей вождей. Их кормили и одевали для того, чтобы они всегда при-служивали Этайн.

Однажды, когда все девушки купались в устье реки, они увидели всадника, приближавшегося к ним с равнины. Его конь был широкий и бурый, гарцующий, с вьющейся гривой и вьющимся хвостом. На всаднике был зелёный плащ из Сида и туника с красной вышивкой; плащ был скреплён золотой брошью, доходившей до обоих плеч. За плечом у него висел серебряный щит с золотым ободом, и у него был серебряный ремень с золотой пряжкой.

В руке он держал копьё с пятью остриями, с золотой полосой от древка до втулки. Светлые жёлтые волосы покрывали его лоб, но золотая повязка удерживала их, чтобы они не закрывали лица. Всадник остановился на некоторое время на берегу реки, чтобы взглянуть на Этайн, и все девушки влюбились в него.

Затем он произнёс эту песнь:

Этайн здесь сегодня,
у Сид Бан Финд, к западу от Айльбе;
среди малых мальчиков она,
на границе Индбер Кихмане.
Это она исцелила глаз короля
из источника Лох Да Лике;
это она была проглочена в питье
из сосуда жены Этара.

Из-за неё король будет гнать
птиц Тетбе;
из-за неё он утопит двух своих коней
в водах Лох Да Айрбрех.

Из-за неё будет много битв
против Эху из Миде;
сидские холмы будут разрушены,
и многие тысячи вступят в бой.

Это она будет прославлена повсюду;
это её ищет король.

Некогда её звали Бе Финд.

Теперь она — наша Этайн.

Затем молодой воин ускакал, и они не знали ни откуда он
пришёл, ни куда ушёл.

Мак Ок отправился поговорить с Мидером, но не нашёл
там Фуамнах. Мидер сказал ему:

— Фуамнах обманула нас, и если она услышит, что Этайн
находится в Эриу, она пойдёт, чтобы причинить ей вред.

— Этайн уже некоторое время была у меня в доме в Бруге,
— сказал Мак Ок, — в том облике, в каком её унесло от тебя.
Возможно, Фуамнах отправилась туда.

Мак Ок вернулся в свой дом и нашёл хрустальный покой
без Этайн. Он пошёл по следу Фуамнах, пока не настиг её
в Оэнах Бодбгнай, в доме друида Бресала Этарлама. Там он
напал на неё, отсёк ей голову и забрал её с собой в Бруг-на-
Бойнне.

Эху Айрем стал королём Эриу, и пять провинций страны подчинились ему, а также король каждой провинции: Конхобар, сын Несс, Месс Гегра, Тигернах Тетбандах, Ку Рои и Айлилл, сын Маты Муrisk. Крепостями Эху были Дун Фремайнд в Миде и Дун Фремайнд в Тетбе; из всех крепостей Эриу больше всего он любил Дун Фремайнд в Тетбе.

На следующий год после того, как он стал королём, Эху приказал мужам Эриу провести фейс Темры, чтобы были исчислены их подати и повинности на следующие пять лет. Мужики Эриу ответили, что не станут проводить фейс Темры для короля, у которого нет королевы, ибо, действительно, у Эху не было королевы, когда он стал королём.

Тогда Эху отправил посланников во все провинции Эриу искать самую прекрасную женщину в стране. Он сказал, что не возьмёт себе в жёны никого, кроме женщины, которую ни один из мужей Эриу не знал прежде него. Такая женщина была найдена в Индбер Кихмане — Этайн, дочь Этара. Эху взял её, ибо она была равна ему красотой, обликом и родом, великолепием, юностью и высокой славой.

Три сына Финда, сына Финдлуга, были сыновьями королевы: Эху Фейдлех, Эху Айрем и Айлилл Ангуба. Айлилл Ангуба влюбился в Этайн на фейсе Темры, уже после того как она возлегла с Эху Айремом. Он постоянно смотрел на неё, а такой взгляд — знак любви.

Айлилл укорял себя за то, что делал, но не мог перестать: его желание было сильнее его воли. Тогда он заболел, ибо не

хотел опозорить себя разговором с Этайн. Когда он почувствовал, что умирает, к нему привели врача Эху, Фахтну, и Фахтна сказал:

— У тебя одна из двух смертельных мук, которые не может исцелить ни один врач: мука любви или мука ревности.

Айлилл ничего не сказал, потому что ему было стыдно.

Тогда Айлилла оставили умирать в Дун Фремайнд в Тетбе, пока Эху совершал объезд Эриу. Этайн была оставлена с ним, чтобы совершить погребальные обряды: выкопать ему могилу, оплакать его тело, заколоть его скот. Каждый день она приходила в дом, где он лежал больной, чтобы поговорить с ним, и ему становилось лучше, потому что, когда она была в доме, он мог смотреть на неё.

Этайн заметила это и задумалась. На следующий день, когда они были вместе, она спросила Айлилла, что сделало его больным.

— Моя любовь к тебе, — ответил он.

— Жаль, что ты не сказал мне раньше, — сказала она, — ведь если бы я знала, ты давно уже был бы здоров.

— Я могу стать здоровым сразу, если ты этого пожелаешь, — сказал Айлилл.

— Именно этого я и желаю, — ответила Этайн.

С тех пор Этайн каждый день приходила мыть Айлиллу голову, резать ему мясо и лить воду на руки, и после трёх раз по девять дней он выздоровел.

Тогда он сказал ей:

— Моему исцелению не хватает ещё одного. Когда я получу это?

— Ты получишь это завтра, — ответила она, — но властитель не должен быть опозорен в собственном жилище. Встреть меня завтра на холме над домом.

Айлилл бодрствовал всю ночь, но в час встречи заснул и не проснулся до третьего часа следующего дня. Этайн пошла на холм, и человек, которого она увидела там ожидающим её, был похож на Айлилла. Он сетовал на слабость, которую принесла ему болезнь, и слова, что он говорил, были теми словами, которые сказал бы Айлилл.

Сам Айлилл проснулся в третий час и предавался печали, когда Этайн вернулась в дом.

— Отчего ты так печален? — спросила она.

— Потому что я назначил встречу с тобой и не пришёл к тебе, — ответил Айлилл. — Сон одолел меня, и я только теперь проснулся. Ясно, что я ещё не вполне здоров.

— Не беда, — сказала Этайн, — завтра будет другой день.

В ту ночь Айлилл бодрствовал перед огромным огнём, держа рядом воду, чтобы плескать её себе в лицо. В назначенный час Этайн пошла встретиться с ним и снова увидела человека, похожего на Айлилла. Она вернулась домой и нашла Айлилла плачущим.

Трижды Этайн ходила на холм, и трижды Айлилл не явился к ней; каждый раз её встречал человек, похожий на Айлилла.

— Не с тобой я должна встретиться, — сказала она. — Я прихожу не для того, чтобы причинить вред или грех человеку, с которым должна встретиться; я прихожу, чтобы исцелить того, кто достоин быть королём Эриу.

— Тебе было бы более подобающе прийти ко мне, — ответил человек, — ибо когда ты была Этайн Эхраде, дочерью Айлилла, я был твоим мужем. Я заплатил за тебя великий брачный выкуп, создав равнины и реки Эриу и отдав твоему отцу твой вес золотом и серебром.

— Как твоё имя? — спросила Этайн.

— Мидер из Бри Лейт.

— А что разлучило нас?

— Колдовство Фуамнах и чары Бресала Этарлама.

Тогда Мидер сказал Этайн:

— Пойдёшь ли ты со мной?

— Не пойду, — ответила она. — Я не променяю короля Эриу на человека, о чьём роде и семье я ничего не знаю.

— Это я заставил Айлилла влюбиться в тебя, так что плоть и кровь его иссякли; и это я подавил его желание возлечь с тобой, чтобы ты не была опозорена. Пойдёшь ли ты со мной в мою землю, если Эху велит тебе?

— Пойду, — сказала Этайн.

Затем она вернулась домой, и Айлилл сказал ей:

— Хороша наша встреча здесь, ибо я исцелён, а ты не была опозорена.

— Это прекрасно, — сказала Этайн.

После этого Эху вернулся из своего объезда. Он обрадовался, увидев брата живым, и поблагодарил Этайн за то, что она сделала в его отсутствие.

В один прекрасный летний день Эху Айрем, король Темры, поднялся и взошёл на вал Темры, чтобы обозреть МагмБрег. Он увидел равнину, сиявшую красками и цветением всех оттенков. И когда он обвёл взглядом вал, то увидел незнакомого молодого воина.

На нём была алая туника; золотисто-жёлтые волосы спадали ему на плечи, а глаза сверкали серым блеском. В одной руке он держал пятиконечное копьё, в другой — щит, украшенный белой выпуклой бляхой и золотыми драгоценными камнями. Эху молчал, ибо не помнил, чтобы этот чужеземец был в Темре накануне вечером, а в этот час ворота ещё не были открыты.

Незнакомец приблизился к Эху, и Эху сказал:

— Добро пожаловать, молодой воин, которого я не знаю.

— Ради этого я и пришёл, — сказал воин.

— Я не узнаю тебя, — сказал Эху.

— Зато я знаю тебя, — сказал воин.

— Как твоё имя? — спросил Эху.

— Не знаменитое: Мидер из Бри Лейт.

— Что привело тебя сюда? — спросил Эху.

— Желание сыграть с тобой в фидхелл, — ответил Мидер.

— Воистину, я хорош в фидхелле, — сказал Эху.

— Посмотрим, — сказал Мидер.

— Королева спит, — сказал Эху, — а доска для фидхелла находится у неё в доме.

— Ничуть не хуже тот набор для фидхелла, что у меня с собой, — сказал Мидер.

И это было правдой: доска была из серебра, фигуры — из золота; в каждом углу доски сверкал драгоценный камень, а мешочек для фигур был сплетён кругами из бронзы.

Тогда Мидер расставил фигуры и сказал Эху:

— Сыграем.

— Я не стану играть, если не будет ставки, — ответил Эху.

— На что ты хочешь играть? — спросил Мидер.

— Мне всё равно, — ответил Эху.

— Если ты выиграешь, — сказал Мидер, — я дам тебе пятьдесят тёмно-серых коней с пятнистыми кроваво-красными головами: остроухих, широкогрудых, с широкими ноздрями, тонконогих, сильных, резвых, высоких, быстрых, выносливых и пригодных к упряжи; и к ним пятьдесят эмалированных уздечек. Ты получишь их завтра в третий час.

Эху принял такую же ставку. Они сыграли, и Мидер проиграл свою ставку. Затем он ушёл, забрав с собой свой набор для фидхелла.

На следующий день, на рассвете, Эху поднялся и вышел на вал Темры. Он увидел, как к нему приближается его противник. Он не знал, куда Мидер ушёл накануне и откуда пришёл теперь, но увидел пятьдесят тёмно-серых коней с эмалированными уздечками.

— Почтенно это, — сказал он.

— Обещанное должно быть исполнено, — ответил Мидер.

И затем он сказал:

— Сыграем ли мы в фидхелл?

— Конечно, — сказал Эху, — но должна быть ставка.

— Я дам тебе пятьдесят огненных кабанов, — сказал Мидер, — курчавошёрстных, пятнистых, светло-серых снизу и тёмно-серых сверху, с конскими копытами; и к ним чан из тёрна, способный вместить их всех. Кроме того, пятьдесят мечей с золотыми рукоятями. Кроме того, пятьдесят белых коров с красными ушами и пятьдесят белых телят с красными ушами, и на каждом телёнке — бронзовые путы. Кроме того, пятьдесят серых баранов с красными головами, трёхголовых и трёхрогих. Кроме того, пятьдесят клинков с рукоятями из слоновой кости. Кроме того, пятьдесят ярко-пёстрых плащей. Но каждую пятидесятку — в свой день.

После этого воспитатель Эху стал расспрашивать его, как он получил такие богатства, и Эху ответил:

— Это случилось так.

— Вот как, — сказал его воспитатель. — Тебе следует быть осторожным, ибо к тебе пришёл человек великой силы. Задай ему трудные работы, сын мой.

Когда Мидер пришёл к нему, Эху назначил ему эти знаменитые великие труды: очистить Миде от камней, устлать камышом Тетбе, проложить гать через Мойн Ламриге и по-

крыть лесом Брейфне.

— Ты требуешь от меня слишком многого, — сказал Мидер.

— Вовсе нет, — ответил Эху.

— Тогда у меня есть просьба, — сказал Мидер. — Пусть ни мужчина, ни женщина под твоей властью не выходят наружу до восхода солнца завтра.

— Это будет тебе дано, — сказал Эху.

Никто прежде никогда не ходил по этому болоту. Но после этого Эху приказал своему управляющему выйти и посмотреть, как прокладывается гать. Управляющий вышел на болото, и ему показалось, будто все люди мира собрались там от восхода до заката. Люди сложили свою одежду в кучу, и именно там сидел Мидер. Деревья леса, со стволами и корнями, уходили в основание гати, а Мидер стоял и со всех сторон подбадривал работников. Можно было подумать, что все люди мира находятся там и производят шум.

После этого по болоту разложили глину, гравий и камни. До той ночи у мужей Эриу было принято запрягать волов через лоб, но в ту ночь они увидели, что народ Сидов кладёт ярмо на плечи. После этого Эху стал делать так же, и потому его называли Эху Айрем, ибо он первым среди мужей Эриу положил ярмо на шеи волов.

И вот слова, которые произносило воинство, когда строило гать:

Клади сюда,

клади туда,
превосходные волны,
в часы после заката;
тягостно это требование,
никто не знает,
чья здесь выгода,
чей убыток
в строительстве гати
через Мойн Ламриге.

Если бы за воинством не подсматривали, во всём мире не было бы лучшей дороги; но из-за этого гать не была сделана совершенной.

После этого управляющий вернулся к Эху и рассказал о великом деле, которое видел. Он сказал, что во всём мире нет ничего подобного такой силе.

Пока они говорили, они увидели, как к ним приближается Мидер — сурово одетый, с гневным выражением лица. Эху испугался, но приветствовал Мидера, а тот ответил:

— Ради этого я и пришёл. Жестоко и безрассудно было с твоей стороны возложить на меня такие великие трудности и тяготы. Я исполнил бы ещё одну работу, которая порадовала бы тебя, но я разгневан на тебя.

— Я не отвечу гневом на гнев, — сказал Эху. — Напротив, я успокою твой дух.

— Это я приму, — сказал Мидер. — Сыграем ли мы теперь в фидхелл?

— Какой будет ставка? — спросил Эху.

— Та, которую назовёт победитель, — сказал Мидер.

В тот день победил Мидер.

— Ты взял мою ставку, — сказал Эху.

— Я мог бы сделать это раньше, если бы пожелал, — ответил Мидер.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Эху.

— Обнять Этайн и получить от неё поцелуй, — сказал Мидер.

Эху умолк при этих словах. Наконец он сказал:

— Вернись через месяц от сегодняшнего дня, и ты получишь это.

За год до того Мидер приходил свататься к Этайн, но успеха не имел. Имя, которым он тогда называл её, было Бе Финд, и вот как он говорил с ней:

Бе Финд, пойдёшь ли со мной

в дивную землю, где звучит музыка?

Волосы там подобны цветущей примуле;

гладкие тела — цвета снега.

Там нет ни «моего», ни «твоего»;

светлы зубы, темны брови.

Радость для глаза — множество наших воинств,

цвет наперстянки — на каждой щеке.

Цвет равнинной розы — на каждой шее,

радость для глаза — яйца дроздов;

хотя прекрасен глазу Маг Файл,

он пустыня рядом с Маг Мар.

Пьянит эль Инис Файл;

но куда сильнее пьянит эль Тир Мар.

Дивную землю я описываю:

юность там не предшествует старости.

Тёплые сладкие потоки по всей земле,
на выбор тебе мёд и вино.

Народ знатный, без изъяна,
зачатый без греха и преступления.

Мы видим всех повсюду,

а нас никто не видит:

тьма Адамова греха

мешает нас различить.

Женщина, если ты придёшь к моему светлому народу,
золотой венец будет у тебя на голове;

мёд, вино, свежее молоко для питья

будут у тебя со мной там, Бе Финд.

Этайн ответила:

— Если ты получишь меня от моего мужа, я пойду с тобой; но если нет — останусь.

После этого Мидер пришёл к Эху играть в фидхелл и сперва проиграл, чтобы иметь повод для спора. Поэтому он исполнил великие требования Эху, а затем предложил неограниченную ставку.

Итак, Мидер согласился вернуться через месяц. Эху приказал лучшим воинам и дружинам Эриу собраться в Темре:

каждая дружина окружала другую, Темра была посередине, а король и королева находились в центре своего дома, двери же были заперты. Они знали, что придёт человек великой силы.

В ту ночь Этайн прислуживала вождям, ибо подача питья была её особым искусством. Пока они разговаривали, они увидели, как Мидер приближается к ним посреди дома. Он всегда был красив, но в ту ночь был ещё прекраснее. Воинства, увидевшие его, поразились и умолкли, но Эху приветствовал его.

— Ради этого я пришёл, — сказал Мидер, — ради этого и ради обещанного мне, ибо оно должно быть исполнено. То, что было обещано тебе, было отдано.

— Я не думал об этом, — сказал Эху.

— Сама Этайн обещала мне, что уйдёт от тебя, — сказал Мидер.

При этих словах Этайн покраснела.

— Не красней, Этайн, — сказал Мидер, — ибо ты не совершила зла. Я целый год добивался тебя самыми прекрасными дарами и сокровищами Эриу, и я не взял тебя без разрешения Эху. Если я завоевал тебя, я не сделал дурного.

— Я сказала, — ответила Этайн, — что не пойду с тобой, если Эху не продаст меня. Что до меня, ты можешь взять меня, если Эху продаст меня.

— Воистину, я не продам тебя, — сказал Эху, — но он может обнять тебя здесь, в середине дома.

— Это я сделаю, — сказал Мидер.

Он переложил оружие в левую руку, правой рукой обнял Этайн и вынес её вверх через отверстие в крыше дома. Охваченные стыдом, воинства поднялись вокруг короля и увидели двух лебедей, которые кружили вокруг Темры и направлялись к Сид ар Фемуин.

Тогда Эху собрал лучших мужей Эриу и отправился к Сид ар Фемуин, то есть к Сид Бан Финд. Мужа Эриу посоветовали ему раскопать каждый сид в стране, пока женщина не будет найдена.

Они начали раскапывать Сид Бан Финд, пока кто-то не вышел оттуда и не сказал им, что женщины там нет.

— Король Сидов Эриу — тот человек, который приходил к тебе. Он находится в своей королевской крепости вместе с женщиной; идите туда.

Эху и его люди пошли на север и начали раскапывать сид Мидера. Они занимались этим год и три месяца, и всё, что раскапывали за день, на следующий день снова оказывалось засыпанным. Из сида вышли два белых ворона, а за ними две гончие — Склет и Самайр.

После этого люди вернулись на юг, к Сид Бан Финд, и снова начали его раскапывать. Кто-то вышел оттуда и сказал:

— Что ты имеешь против нас, Эху? Мы не брали твою жену. Тебе не было причинено зла. Ты не смеешь сказать ничего вредного против короля.

— Я не оставляю вас, — сказал Эху, — пока вы не скажете

мне, как я могу вернуть свою жену.

— Возьми с собой слепых псов и кошек и оставь их. Так ты должен делать каждый день.

Они вернулись на север и сделали это. Когда они разрушали Сид Брег Лейт, они увидели, как к ним приближается Мидер.

— Что ты имеешь против меня? — сказал он. — Ты поступил со мной нечестно и возложил на меня великие тяготы. Ты продал мне свою жену — не причиняя же мне вреда.

— Она не останется с тобой, — сказал Эху.

— Не останется, значит, — ответил Мидер. — Возвращайся домой. Истиной одного и другого клянусь: твоя жена вернётся к тебе завтра в третий час. Если это удовлетворит тебя, больше не вреди мне.

— Я принимаю это, — сказал Эху.

Мидер получил от него обещание и ушёл.

В третий час следующего дня они увидели пятьдесят женщин; все они были обликом как Этайн и все были одеты одинаково. При виде этого воинства умолкли. Перед ними вышла серая старуха и сказала Эху:

— Нам пора возвращаться домой. Выбери теперь свою жену или скажи одной из этих женщин остаться с тобой.

— Как вы разрешите это сомнение? — спросил Эху своих людей.

— Мы не знаем как, — ответили они.

— А я знаю, — сказал Эху. — Моя жена лучше всех в

Эриу умеет прислуживать, и по этому я узнаю её.

Тогда двадцать пять женщин отправили в одну сторону дома, а двадцать пять — в другую, и между ними поставили сосуд, полный жидкости. Женщины подходили то с одной стороны, то с другой, но Эху всё не мог найти Этайн. Наконец остались две последние женщины. Первая начала наливать, и Эху сказал:

— Это Этайн, но она не сама собой.

Он и его люди держали совет, и они решили:

— Это Этайн, хотя это не её прислуживание.

Тогда остальные женщины ушли. Мужа Эриу были очень довольны тем, что сделал Эху, и великими свершениями волов, и спасением женщины от народа Сидов.

В один прекрасный день Эху поднялся и разговаривал со своей женой в середине дома, когда они увидели, как к ним приближается Мидер.

— Хорошо ли тебе, Эху? — сказал Мидер.

— Хорошо, — сказал Эху.

— Нечестную игру я получил от тебя, — сказал Мидер, — если вспомнить тяготы, которые ты наложил на меня, войска, которые ты привёл против меня, и всё, чего ты от меня потребовал. Нет ничего, чего бы ты не взыскал с меня.

— Я не продавал тебе свою жену, — сказал Эху.

— Очистишь ли ты свою совесть передо мной? — спросил Мидер.

— Только если ты сам дашь залог, — ответил Эху.

— Значит, ты доволен? — спросил Мидер.

— Доволен, — ответил Эху.

— И я доволен, — сказал Мидер. — Твоя жена была беременна, когда я забрал её у тебя, и она родила дочь. Именно эта дочь сейчас с тобой. Твоя жена у меня, а ты отпустил её во второй раз.

С этими словами Мидер ушёл.

Эху не посмел снова раскапывать сид Мидера, ибо сам поклялся, что доволен. Он был в отчаянии оттого, что жена ускользнула от него и что он возлёт со своей собственной дочерью. Более того, его дочь забеременела и родила дочь.

— О боги, — сказал он, — никогда я не взгляну на дочь моей дочери.

Тогда двое из его домочадцев взяли девочку, чтобы бросить её в яму с дикими зверями. Они остановились у дома Финдлама, пастуха Темры; этот дом находился у Слиаб Фуйайт, посреди пустоши. В доме никого не было. Мужчины поели там, а девочку бросили собаке и её щенкам, которые находились в псарне дома, и ушли.

Когда пастух и его жена вернулись и увидели светловолового ребёнка в псарне, они были поражены. Они взяли её из псарни и воспитали, хотя не знали, откуда она появилась. Девочка процветала, ибо была дочерью короля и королевы.

Она была лучшей из женщин в вышивании: её глаза не видели ничего, чего её руки не могли бы вышить. Её воспитывали Финдлам и его жена, пока однажды люди Этерскеле не

увидели её и не рассказали о ней своему королю. Этерскеле увёл её силой и сделал своей женой, и так она стала матерью Конайре, сына Этерскеле.

Разъяснение мифа «Сватовство к Этайн»

На первый взгляд «Сватовство к Этайн» можно принять за историю о прекрасной женщине, из-за которой соперничают мужчины: Мидер, Эху, Айлилл, а в более раннем слое повествования — Дагда, Элкмар и Энгус. Но в действительности это один из самых сложных ирландских мифов о власти, праве, браке, земле, памяти и Ином мире.

Этайн оказывается в центре событий не потому, что она просто прекрасна. Её красота имеет силу. Она вызывает любовь, болезнь, ревность, войну, магию и судебные споры. В древнем мифе красота часто не является украшением: она действует как судьба. Вокруг Этайн меняются владения, заключаются договоры, открываются сиды, нарушаются клятвы и возникают новые царские роды.

Этот миф говорит прежде всего о том, что человеческая власть неполна, если она не признана более глубоким порядком. Король может иметь войско, крепость и закон, но он всё равно зависит от земли, женщины, клятвы и отношений с обитателями сидов. Мир людей и мир Иного мира в ирландской традиции не разделены глухой стеной. Они соприкасаются, спорят, вступают в сделки, обмениваются дарами

и наносят друг другу ущерб. Но человек почти никогда не может окончательно победить сидов, потому что они живут по более древним правилам.

Повесть состоит как будто из нескольких разных историй, и это важно. Она устроена не как современный роман с одной прямой линией, а как соединение древних сюжетных пластов. Сначала рассказывается о рождении Энгуса и получении Бруг-на-Бойнне. Затем — о Мидере, Этайн и Фуамнах, о превращении Этайн и её новом рождении. Наконец — об Эху Айреме, игре в фидхелл, похищении Этайн и трагической ошибке царя. Эти части связывают одни и те же мотивы: любовное соперничество, хитрый договор, право на владение, связь с землёй, утрата женщины и её возвращение в иной форме.

Особенно важна тема слова и договора. Почти все решающие события происходят не просто из-за силы, а из-за формулы, обещания, ставки или двусмысленного условия. Энгус получает Бруг-на-Бойнне не грубым захватом, а через просьбу о власти «на день и ночь». Затем он истолковывает это так: поскольку весь мир проходит в днях и ночах, право должно длиться всегда. Позже Мидер действует похожим образом. Он не требует Этайн прямо, а выигрывает право обнять её и получить от неё поцелуй. Эху думает, что это малая уступка, но для Мидера такая формула становится дверью к полному возвращению Этайн.

Так в мифе раскрывается древнее ирландское чувство за-

кона: слово не исчезает после того, как произнесено. Оно связывает. Оно может оказаться сильнее меча, войска и даже царской воли. Один день и одна ночь становятся вечностью. Одно объятие становится похищением. Одно признание «я доволен» лишает Эху права снова воевать с Мидером.

Этайн можно понимать сразу в нескольких смыслах. Она воплощает красоту, которая не только привлекает, но и меняет судьбы. Она связана с женским началом царской власти: Эху не может полноценно провести фейс Темры, пока у него нет королевы. Без женщины рядом с королём власть как бы не завершена, потому что королевская власть в ирландской традиции связана не только с военной силой, но и с землёй, плодородием, законностью и ритуальным порядком.

Этайн также является образом сущности, проходящей через разрушение и перерождение. Фуамнах превращает её в воду; вода становится червём; червь — алой мухой; затем Этайн рождается заново от жены Этара. Форма уничтожается, но сущность сохраняется. Вода растворяет прежний облик, червь уводит её в тёмную земную стадию, алая муха сохраняет красоту в малом и уязвимом теле. Она поёт, исцеляет, насыщает голод и утоляет жажду. Это один из самых выразительных образов ирландской мифологии: красота может быть изгнана, унижена, уменьшена, но не уничтожена до конца.

Фуамнах в этой истории не просто ревнивая жена. Она представляет разрушительную сторону женской силы и ста-

рое брачное право. Когда она говорит Этайн: «Место доброй женщины ты заняла», — она говорит не только из ревности, но и из убеждения, что её собственное место было нарушено. Однако её магия не восстанавливает порядок. Она дробит и рассеивает его: превращает женщину в воду, затем в насекомое, затем отдаёт её ветру. Ветер Фуамнах — это образ изгнания, бесприютности и потери формы.

На этом фоне Энгус выглядит иначе. Он тоже участвует в мире хитростей и договоров, но по отношению к Этайн он выступает не как владелец, а как защитник. Когда алая муха попадает к нему, он узнаёт её, помещает в особый покой с воздушными окнами, алой завесой и целебными травами. Он не пытается обладать ею как муж; он сохраняет её жизнь, цвет и радость. Поэтому Энгус в этой части мифа становится покровителем не столько власти, сколько восстановления.

Мидер — самый сложный мужской образ повести. Он не просто влюблённый и не просто обитатель Иного мира. Он действует как игрок, юрист и маг одновременно. Он умеет ждать, проигрывать ради будущей победы, принимать условия, добиваться неопределённой ставки и использовать точную формулу. В игре с Эху он побеждает не одной силой, а более глубоким знанием. Эху знает Этайн только в её нынешней человеческой жизни; Мидер помнит её прежней, знает её превращения и связан с ней через более длинную линию судьбы.

Фидхелл поэтому является не просто настольной игрой.

Это образ стратегии, права и судьбы. Доска, фигуры и ставки показывают, что борьба Мидера и Эху происходит не только на поле войны. Она происходит в уме, в слове и в умении понимать последствия обещания. Эху силен как человеческий царь, но он недооценивает правила Иного мира. Он соглашается на неопределённую ставку, разрешает Мидеру обнять Этайн, затем верит, что сможет узнать её среди двойников, и наконец признаёт себя довольным результатом.

Похищение Этайн через отверстие в крыше и превращение пары в двух лебедей возвращает миф к языку Иного мира. Для Эху это кража жены. Для Мидера — возвращение прежней супруги. Для самой структуры мифа — выход из человеческого порядка обратно в порядок сидов. Лебеди в кельтской традиции часто связаны с красотой, превращением, любовью и переходом между мирами. Здесь они показывают, что Этайн и Мидер больше не удерживаются обычными стенами, дверями и человеческими договорами.

Когда Эху начинает раскапывать сиды, он буквально пытается вскрыть Иной мир. Это один из самых сильных образов повести. Люди могут копать год и три месяца, но всё, что они разрушают днём, ночью снова восстанавливается. Человеческая сила сталкивается с пространством, которое устроено иначе. Эху может привести войско, но не может навязать миру сидов человеческую меру.

Эпизод с пятьюдесятью женщинами раскрывает трагедию человеческого знания. Эху должен узнать свою жену среди

одинаковых обликов. Он выбирает признак, который кажется разумным: Этайн славилась искусством подавать питьё. Но и этот признак оказывается недостаточным. Он принимает дочь Этайн за саму Этайн. Так миф показывает, что сходство может быть сильнее человеческой уверенности, а внешняя форма не всегда открывает сущность.

Финал поэтому мрачен. Эху узнаёт, что настоящая Этайн осталась у Мидера, а женщина, которую он вернул, была дочерью Этайн. Он связан собственным словом и не может снова выступить против Мидера. Его поражение не военное, а онтологическое: он неверно понял реальность, в которую вошёл. Он думал, что возвращает жену, но получил отражение; думал, что восстановил порядок, но породил новое нарушение.

И всё же миф не заканчивается пустотой. Из этой трагической линии рождается девочка, которую пытаются уничтожить, но которая выживает у пастуха Финдлама. Позже она становится матерью Конайре, сына Этерскеле. Так ирландская традиция связывает происхождение будущих царей и героев с чудесными, тревожными и часто болезненными историями. Великая судьба редко возникает из простого и ясного начала.

Главные символы этой повести складываются в единую систему. Самайн — время перехода, когда можно получить землю, изменить судьбу и встретиться с Иным миром. Бругна-Бойнне — священное владение, место силы и памяти.

Сид — не рай и не ад, а параллельное пространство древних сверхъестественных существ. Фидхелл — игра судьбы и закона. Алая муха — сохранённая душа красоты в изгнании. Ветер — сила рассеяния. Лебеди — знак перехода и возвращения любовной пары в иной порядок. Пятьдесят двойников — образ обманчивости видимого мира.

Поэтому общий смысл «Сватовства к Этайн» можно выразить так: это миф о женщине, чья красота и судьба связывают богов, людей, землю и Иной мир. Этайн проходит через любовь, ревность, смерть, превращение, изгнание и новое рождение. Её пытаются получить через выкуп, игру, договор, магию и силу, но она не принадлежит полностью ни одному из тех, кто хочет ею владеть. Она связана с более древним порядком — с памятью, землёй, сидом и временем.

Для современного читателя этот миф особенно важен тем, что он показывает: власть держится не только на силе. Она держится на слове, на признании, на союзе с землёй и на умении понимать границы собственного мира. Человек может думать, что владеет женщиной, царством, крепостью или своей судьбой, но за видимым порядком действует другой — более древний, тонкий и беспощадный. В этом порядке обещание опаснее меча, красота сильнее стены, а ошибка в слове может изменить судьбу целого рода.

Предисловие

Сон Энгуса

«Сон Энгуса» — одна из самых светлых и поэтичных повестей средневековой ирландской традиции. Её герой, Энгус, или Мак Ок, уже знаком читателю по «Сватовству к Этэйн» как сын Дагды и Боанд и владелец Бруга. Здесь он оказывается не помощником других героев, а участником собственной истории о видении, тоске, поиске и встрече с существом Иного мира.

В основе повествования лежит характерный для ирландской мифологии мотив любви, начинающейся во сне. Девушка сначала является Энгусу как прекрасный и неуловимый образ, а затем поиски приводят героя к Каэр Ибормейт — женщине, способной принимать облик птицы. Поэтому граница между сном и явью, человеком и животным, землёй и водой в этой истории остаётся подвижной.

После текста помещено отдельное разъяснение мифа. Оно помогает понять значение сна, любовной болезни, образа лебедя, Самайна, трёх кругов вокруг озера и обещания, которое Энгус даёт Каэр. Сначала, однако, сагу лучше прочитать как самостоятельное художественное произведение — короткое повествование о любви, которая требует не захвата, а узнавания и принятия иной природы возлюбленной.

Предисловие

Разрушение Дома Да Дерги

«Разрушение Дома Да Дерги» — одно из крупнейших и наиболее трагических сказаний древнеирландской традиции. Оно рассказывает о происхождении, царствовании и гибели Конайре Великого — верховного короля Эриу, при котором страна переживает время мира и изобилия.

Судьба Конайре с самого начала связана с Иным миром. Его происхождение отмечено образом птиц, а право на власть подтверждается древним обрядом выбора царя. Одновременно герой получает ряд гейсов — священных запретов, соблюдение которых поддерживает его жизнь и благополучие царства.

Путь к трагедии начинается не с одного преступления, а с последовательного разрушения установленного порядка. Личная привязанность Конайре к молочным братьям ослабляет царскую справедливость, разбой распространяется по стране, а затем один за другим нарушаются запреты, окружавшие короля защитой.

Разрушение Дома Да Дерги

Жил некогда знаменитый и благородный король Эриу, и звали его Эху Фейдлех. Однажды, переходя через место собраний у Бри Лейт, он увидел женщину у края колодца.

У неё был яркий серебряный гребень с золотым украшением, и она умывалась из серебряного сосуда, на котором были четыре золотые птицы, а по краям сияли мелкие яркие камни багряного карбункула. На ней был багряный плащ из прекрасной кудрявой шерсти, скреплённый серебряной брошью, перевитой красивым золотом. Её туника с длинным капюшоном была из плотного, гладкого зелёного шёлка, вышитого красным золотом, а на груди и плечах у неё были дивные звериные броши из золота и серебра. Когда солнце падало на неё, золото ярко алело на фоне зелёного шёлка.

Две косы цвета жёлтого золота были у неё, и каждая коса была сплетена в четыре пряди, с шаром на конце. Люди сказали бы, что волосы её подобны цветущему ирису летом или красному золоту после полировки.

У колодца женщина распустила волосы, чтобы вымыть их, и руки её показались через вырез платья. Белы, как снег одной ночи, были её запястья; нежны, ровны и румяны, как наперстянка, были её ясные прекрасные щёки. Чёрны, как спинка жука, были её брови; зубы её — словно поток ровных жемчужин. Глаза её были сини, как гиацинт; губы —

парфянской красноты.

Прямы, гладки, мягки и белы были её плечи; чисто-белы и тонки — пальцы; длинны — руки. Белы, как морская пена, были её бока: стройные, длинные, гладкие, податливые, мягкие, как шерсть. Тёплые, гладкие, прекрасны и белы были её бёдра; округлы, малы, крепки и белы — колени. Коротки, белы и прямы были её голени; прекрасны, прямы и хороши — пятки. Если бы к её ступням приложили меру, едва ли нашли бы недостаток — разве что избыток плоти или кожи.

Румяный свет луны сиял в её благородном лице; гордость поднималась в её гладких бровях; в каждом из двух её царственных глаз был блеск любовного призыва. Ямочки удовольствия были на каждой её щеке, где пятна, красные как кровь телёнка, чередовались с пятнами белизны сияющего снега. Нежное женственное достоинство было в её голосе; твёрд и величав был её шаг — походка королевы.

Она была самой прекрасной, самой совершенной и самой красивой из всех женщин мира. Люди думали, что она из Сидов, и говорили о ней:

— Всякая прекрасна — до Этайн. Всякая красива — до Этайн.

Сильное желание тотчас охватило короля, и он отправил посланника вперёд, чтобы задержать её. Король спросил о ней вестей и, назвав себя, сказал:

— Будет ли время, когда я смогу возлечь с тобой?

— Ради этого мы и пришли под твою защиту, — ответила

она.

— Откуда ты пришла и куда идёшь? — спросил Эху.

— Это нетрудно сказать, — ответила она. — Я Этайн, дочь Этара, короля Эхраде из Сидов. Уже двадцать лет я здесь с тех пор, как родилась в сиде. Мужи Сидов, и короли, и знатные, сватались ко мне, но никто не получил меня, потому что с тех пор, как я научилась говорить, я любила тебя детской любовью — за твоё великолепие и за благородные рассказы о тебе. Я никогда не видела тебя, но знала тебя по описанию. Именно тебя я желаю иметь.

— Воистину, не ложного друга ты искала издалека, — сказал Эху. — Тебе будет оказан радушный приём, и каждая из твоих женщин будет с тобой, а я буду принадлежать тебе одной столько, сколько ты пожелаешь.

— Сначала мой надлежащий брачный дар, — сказала Этайн, — а потом моё желание.

— Ты получишь его, — сказал Эху.

И ей была дана её брачная цена — семь кумалов.

Затем король Эху Фейдлех умер.

Через некоторое время Кормак, король Уладов и человек трёх даров, отверг дочь Эху, потому что она была бесплодна, если не считать дочери, которую родила после того, как мать приготовила ей кашу. Она сказала своей матери:

— Зло ты мне сделала, ибо дочь я рожу.

— Не беда, — ответила мать, — ведь король будет искать эту девушку.

Тогда Кормак снова взял эту женщину — Этайн — и пожелал убить дочь женщины, которую прежде отверг. Он не позволил её матери воспитывать ребёнка, но приказал двум слугам отнести девочку к яме.

Когда они бросали её в яму, она засмеялась и улыбнулась им, и слабость овладела ими. Тогда они отнесли её в хлев пастуха Этерскеле, сына Иара, короля Темры. Там они воспитали её, пока она не стала искусной вышивальщицей; и не было в Эриу королевской дочери прекраснее неё.

Они соткали для неё дом, в котором не было двери, а только окно и отверстие в крыше. Люди Этерскеле заметили этот дом, и им показалось, что пастухи носят туда пищу. Тогда один человек заглянул через отверстие в крыше и увидел внутри очень прекрасную, очень красивую женщину.

Эта весть была рассказана королю, и тотчас были отправлены люди, чтобы разрушить дом и взять женщину без разрешения, ибо король был бесплоден, и было предсказано, что женщина неизвестного рода родит ему сына.

В ту ночь, когда женщина находилась в доме, она увидела птицу, которая вошла к ней через отверстие в крыше. Птица оставила свой пернатый покров посреди дома, взяла её и сказала:

— Люди короля идут разрушить этот дом и силой взять тебя к нему. Но ты зачнёшь от меня и родишь сына, и имя ему будет Конайре.

Её имя было Месс Буахалла.

— И ему нельзя будет убивать птиц.

После этого её взяли к королю. Её воспитатели пошли вместе с ней, и она была обручена с королём; он дал семь кумалов ей и семь — её воспитателям. Воспитатели были возвышены, так что вошли в правящий слой; поэтому есть два человека, называемые Федлимид Рехтаде.

Женщина родила королю сына — Конайре, сына Месс Буахаллы. Она попросила у короля, чтобы мальчик имел три воспитания: у людей, которые воспитали её, у двух людей по имени Мане Милскотах и у неё самой. И она сказала мужам Эриу:

— Те из вас, кто хочет чего-либо от мальчика, пусть вносят вклад в эти три дома.

Так был воспитан Конайре. Мужи Эриу знали его с самого дня рождения. Вместе с ним воспитывались ещё три мальчика: Фер Ле, Фер Гар и Фер Рогайн, все сыновья воина фианы Донн Десы, человека, имевшего сторонников ради поддержки мальчика.

Конайре обладал тремя дарами: даром слуха, даром зрения и даром суждения. И каждому из своих молочных братьев он передал по одному дару. Когда для него готовили трапезу, все четверо приходили к ней вместе; и даже если для него готовили три трапезы, каждый из них приходил к своей. У всех четверых были одинаковые одежды, оружие и масть коней.

После этого король Этерскеле умер. Тогда мужи Эриу со-

брались на бычий пир: был убит бык, и один человек ел досыта его мясо, пил его отвар и засыпал; над ним пели заклинание истины. Тот, кого этот человек видел во сне, становился королём. Если же человек лгал о том, что видел во сне, он должен был умереть.

В это время у Лиффи играли четыре колесничих: Конайре и три его молочных брата. Воспитатели Конайре пришли, чтобы забрать его на бычий пир. Человек, участвовавший в бычьем пире, увидел во сне нагого человека, идущего на рассвете по дороге к Темре и несущего камень в праще.

— Я скоро последую за вами, — сказал Конайре.

Позже Конайре оставил своих молочных братьев играть, повернул колесницу и возницу к Ат Клиат и там увидел огромных бело-пёстрых птиц, необычных по размеру и цвету. Он повернул за ними и преследовал их, пока его кони не устали; птицы же всё время опережали его не более чем на расстояние броска копья.

Тогда он взял свою пращу, сошёл с колесницы и последовал за птицами, пока не достиг океана. Птицы ушли на волны, но он настиг их. Тогда птицы сбросили свои пернатые покровы и обратились против него с копьями и мечами. Однако одна птица защитила его, сказав:

— Я Немглан, король птичьего войска твоего отца. Тебе запрещено метать в птиц, ибо по рождению всякая птица здесь родственна тебе.

— До сих пор я этого не знал, — сказал Конайре.

— Иди сегодня ночью в Темру, ибо так будет подобающе, — сказал Немглан. — Там проходит бычий пир, и он сделает тебя королём. Человек, который нагим придёт на рассвете по дороге к Темре с камнем в праще, — именно он станет королём.

Тогда Конайре двинулся вперёд. На каждой из четырёх дорог, ведущих к Темре, ждали по три короля с одеждами, ибо было предсказано, что король придёт нагим. Его увидели на дороге, где ждали его воспитатели; они надели на него царские одежды, посадили в колесницу, и он принял их заложников.

Люди Темры сказали:

— Нам кажется, что наш бычий пир и наше заклинание истины испорчены, ибо к нам приведён юный безбородый мальчик.

Но Конайре ответил:

— Не беда. Молодой щедрый король — не порок, и я не испорчен. Правом моего отца и деда было принимать заложников в Темре.

— Чудо из чудес! — сказали собравшиеся.

Они передали ему королевскую власть над Эриу, и он сказал:

— Я буду спрашивать мудрых людей, чтобы и самому быть мудрым.

Всё это Конайре сказал именно так, как научил его человек на волнах. Этот человек сказал ему:

— Твоё птичье царствование будет славным, но против него будут гейсы, и вот они: ты не должен объезжать Темру посолонь, а Брегу — противосолонь. Ты не должен охотиться на диких зверей Керне. Ты не должен выходить из Темры каждую девятую ночь. Ты не должен ночевать в доме, где после заката огонь виден изнутри или снаружи. Три Дерга не должны входить перед тобой в дом Дерга. Во время твоего правления не должно быть добычи от грабежа. Одинокый мужчина или одинокая женщина не должны входить в твой дом после заката. Ты не должен вмешиваться в ссору между двумя твоими слугами.

В правление Конайре было великое изобилие: каждый июнь семь кораблей приходили к Индбер Колпта; каждую осень жёлуди лежали по колено; каждый июнь был переизбыток над Буасом и Боанд; и был избыток мира, так что никто нигде в Эриу не убивал своего соседа. Напротив, голос соседа казался сладким, как струны арф.

От середины весны до середины осени ни один порыв ветра не шевелил хвоста коровы. Не было ни грома, ни бурной погоды в правление Конайре.

Однако молочные братья Конайре роптали из-за того, что лишились привилегий своего отца и деда: воровства, разбоя, грабежа и убийства. Каждый год они крали у одного и того же земледельца свинью, телёнка и корову, чтобы посмотреть, какое наказание назначит король и какой вред это воровство нанесёт его правлению.

Каждый год земледелец приходил к королю с жалобой, и каждый год король отвечал:

— Вору — три сына Донн Десы. Иди и поговори с ними.

Но всякий раз, когда земледелец шёл говорить с тремя сыновьями, они пытались убить его; и он не возвращался к королю из страха разгневать его.

После этого своеволие и жадность овладели тремя сыновьями. Они собрали вокруг себя сыновей владык Эриу и отправились грабить. Три пятидесятка их упражнялись в Крих Коннахт, когда свинопас Мане Милскотаха увидел их, а прежде он никогда такого не видел.

Он обратился в бегство; они услышали его и погнались за ним. Тогда свинопас закричал, и люди каждого Мане пришли и схватили три пятидесятка вместе с лишними людьми. Они привели этих людей в Темру и обратились к королю. И он сказал:

— Пусть каждый человек убьёт своего сына, но пусть мои молочные братья будут пощажены.

— Да, да, — сказали все, — так и будет сделано.

— Нет, — ответил Конайре. — Моей жизни не продлит суд, который я вынес. Эти люди не должны быть повешены. Пусть лучше старшие пойдут с ними, чтобы они грабили Альбу.

Так и было сделано. Грабители вышли в море и там встретили сына короля бриттов, Ингкела Каэха, внука Конмака. Они заключили союз с Ингкелом, чтобы вместе с ним ходить

в набеги.

Вот какое разрушение совершил Ингкел: его отец, его мать и семь его братьев были приглашены в дом короля его народа, и все они были убиты Ингкелом за одну ночь. Затем они переправились через море в Эриу, чтобы искать подобного разрушения, ибо это причиталось Ингкелу.

В Эриу во время правления Конайре был полный мир, если не считать того, что в Туадмму возникла угроза битвы между двумя людьми по имени Койрпре; оба они были молочными братьями Конайре. Дело не было улажено, пока не прибыл Конайре. На нём был гейс: не ходить улаживать ссору, прежде чем ссорящиеся сами придут к нему. Но он всё равно пошёл и примирил их. Он провёл пять ночей у каждого из них, а против этого тоже был гейс.

Когда ссора была улажена, Конайре собрался вернуться в Темру. Они прошли Усних Миде, а затем увидели набеги с севера, юга, востока и запада: отряды и войска, одно за другим, и нагих людей, и земля Уи Нейллов была вокруг них облаком огня.

— Что это? — спросил Конайре.

— Это нетрудно понять, — ответили его люди. — Когда земля горит, легко увидеть, что закон нарушен.

— Куда мы пойдём? — спросил Конайре.

— На северо-восток, — сказали его люди.

И они пошли посолонь вокруг Темры и противосолонь вокруг Бреги, и Конайре охотился на диких зверей Керне, но

понял это лишь тогда, когда охота закончилась. Так он стал королём, которого изгнали призраки.

После этого великий страх охватил Конайре, ибо не было дорог, которыми они могли бы идти, кроме Слиге Мидлуахра и Слиге Хуаланд. Они выбрали Слиге Хуаланд и пошли на юг вдоль побережья Эриу.

Конайре спросил:

— Где мы проведём ночь?

— Если позволено мне сказать, Конайре, — ответил Мак Кехт, сын Снаде Техеда, защитник Конайре, сына Этерскеле, — чаще мужи Эриу спорили за право принять тебя каждую ночь, чем ты испытывал недостаток в гостевом доме.

— Суд приходит ко всем, — ответил Конайре. — Но у меня есть друг в этой земле, если бы мы знали путь к его дому.

— Как его имя? — спросил Мак Кехт.

— Да Дерга из Лагинов, — ответил Конайре. — Он приходил ко мне просить даров и не ушёл с пустыми руками. Я дал ему сто коров из моего стада, сто плотно облегающих плащей, сто серых свиней, сто сверкающих боевых оружий, десять позолоченных брошек, десять больших чанов для питья, десять бурых коней, десять слуг, десять скакунов, трижды девять псов, все одинаково белые, на серебряных цепях, и сто коней, более быстрых, чем стада диких оленей. Воистину, ничто не было поставлено ему в счёт, и если бы он пришёл снова, получил бы ещё больше. Было бы странно, если

бы он оказался суров ко мне этой ночью.

— Воистину, я знаю этот дом, — сказал Мак Кехт, — и дорога, по которой мы идём, ведёт к нему, ибо проходит прямо через дом. В доме семь входов, и между каждыми двумя входами — семь покоев. Однако дверь там только одна, и она поставлена у того входа, против которого дует ветер. С тем великим множеством людей, что у тебя здесь, ты можешь идти, пока не достигнешь середины дома. Если ты направишься туда, я пойду вперёд и зажгу для тебя огонь.

После этого, когда Конайре двигался по Слиге Хуаланд, он увидел впереди трёх всадников, направлявшихся к дому. Красные туники и красные плащи были на них, красные щиты и копья были у них в руках; они ехали на красных конях, и головы их были красны. Они были целиком красны — зубы и волосы, кони и люди.

— Кто едет перед нами? — спросил Конайре. — Есть на мне гейс: три Дерга не должны входить передо мной в дом Дерга. Кто поедет за ними и велит им вернуться ко мне?

— Я поеду, — сказал Ле Фер Флайт, сын Конайре.

Тогда он поскакал за ними, стегая коня, но они всё время оставались впереди на расстоянии броска копья: ни они не удалялись от него, ни он не приближался к ним. Он сказал им, что они не должны входить прежде короля. Он не мог догнать их, но один из троих произнёс ему в ответ такую песнь:

— Смотри, юноша, великие вести!

Вести из дома.

Дорога для кораблей.

Блеск мужей с копьями,
доблестных в ратных подвигах.

Великое бедствие.

Прекрасная женщина,
на которую легла красная вышивка бойни.

Смотри!

После этого они оставили его, и он не смог их задержать. Он дождался войска и рассказал отцу, что было сказано. Конайре это не понравилось, и он сказал:

— Поезжай за ними. Предложи им трёх быков и трёх солёных свиней и скажи, что пока они будут в моём доме, между ними и стеной не будет никого.

Юноша снова поехал за ними и предложил это. Он не дождал их, но один из троих произнёс ему в ответ такую песнь:

— Смотри, юноша, великие вести!

Великий жар щедрого короля
согревает тебя, разжигает тебя.

Через древние чары
отступает отряд из девяти.

Смотри!

После этого юноша вернулся и повторил песнь Конайре.

— Поезжай за ними, — сказал король, — и предложи им шесть быков и шесть солёных свиней, и остатки трапезы на следующий день, и дары сверх того; и скажи им, что пока они будут в моём доме, между ними и стеной дома не будет

никого.

Тогда юноша снова поехал за ними, но не догнал их, и один из троих сказал ему:

— Смотри, юноша, великие вести!

Утомлены кони, на которых мы едем.

Мы едем на конях Донн Тетскораха из Сидов.

Хотя мы живы, мы мертвы.

Великие знамения!

Отсечение жизней,

насыщение воронов,

пища для воронов,

грохот бойни,

точение клинков,

щиты с разбитыми умбонами после заката.

Смотри!

Тогда эти люди оставили его.

— Я вижу, что ты не задержал их, — сказал Конайре.

— Воистину, не я предал тебя, — ответил Ле Фер Флайт.

И он повторил последнюю песнь. От этого ответа они не стали счастливее, и после него почувствовали великие предзнаменования ужаса.

— Все мои гейсы настигли меня этой ночью, — сказал Конайре, — и всё это из-за изгнания моих молочных братьев.

Тем временем три Дерга вошли в дом перед ним и сели там, привязав своих коней у входа.

Конайре всё ещё двигался к Ат Клиат, когда его нагнал

человек с короткими чёрными волосами, с одним глазом, одной рукой и одной ногой. Волосы его были грубы и вздыблены: если бы на них высыпали мешок диких яблок, каждое яблоко зацепилось бы в его волосах, и ни одно не упало бы на землю. Если бы его морду бросили на ветвь, она прилипла бы к ней. Каждая его голень была длиной и толщиной с внешнее ядро; каждая ягодица — величиной с сыр на ивовой перевязи. В руке у него был раздвоенный железный шест; на спине он нёс опалённую свинью с короткой чёрной щетиной, и она всё время визжала.

За ним шла огромная, чёрная, мрачная, большеротая, уродливая женщина. Если бы её морду бросили на ветвь, ветвь выдержала бы её, а нижняя губа женщины свисала до колена.

Этот человек прыгнул к Конайре и приветствовал его:

— Добро пожаловать, попа Конайре! Давно было известно, что ты придёшь сюда.

— Кто приветствует меня? — спросил Конайре.

— Фер Каллиу, и я несу свинью, чтобы тебе не пришлось поститься этой ночью, — сказал человек. — Ты лучший король из всех, кто когда-либо приходил в мир.

— Как имя женщины? — спросил Конайре.

— Кихуил, — ответил человек.

— Я приду в любую другую ночь, какую ты пожелаешь, — сказал Конайре, — только оставь нас этой ночью.

— Ни за что, — ответил человек. — Я приду к тебе туда,

где ты будешь этой ночью, прекрасный попа Конайре.

Затем он повернул к дому, неся на спине опалённую свинью с чёрной щетиной, которая визжала, а огромная большеротая женщина следовала за ним. Это нарушило ещё один из гейсов Конайре.

Был также гейс против грабежа в Эриу во время его правления; но сыновья Донн Десы уже грабили, и в их отряде было пятьсот человек, не считая лишних. Один добрый воин на севере звался Фен Тар Кринах, ибо он переступал через противников так, как повозка проходит по сухим веткам. Но была ещё более надменная фиана: семь сыновей Айлилла и Медб, каждый по имени Мане и каждый с прозвищем: Мане Атрамайл, Мане Матрамайл, Мане Мингор, Мане Маргор, Мане Андое, Мане Милскотах, Мане Гайб Уиле и Мане Мо Эпирт. И все они были грабителями.

У Мане Матрамайла и Мане Андое было четырнадцать двадцаток людей; у Мане Атрамайла — четыреста пятьдесят; у Мане Милскотаха — пятьсот; у Мане Гайб Уиле — шестьсот; у Мане Мо Эпирта — семьсот; у остальных — по пятьсот. Было также доблестное трио из Уи Бриуин из Куалу в Лагине, и всех троих звали Руадхойн; они были грабителями, и у них было двенадцать двадцаток людей, а сверх того — неистовая дружина.

Треть мужей Эриу тогда была разбойниками в правление Конайре. У него было достаточно силы и власти, чтобы изгнать их из Эриу и заставить грабить в другом месте, но по-

сле этого они вернулись в страну.

Когда грабители Эриу достигли края моря, они встретили Ингкела Каэха и Эккелла, двух внуков Конмака из Британии, на спине моря. Страшным и немилостивым человеком был Ингкел: в голове у него был один глаз, широкий как бычья шкура и чёрный как жук, и было в нём три зрачка. В его отряде было тринадцать сотен людей, но грабителей из Эриу было больше.

Два войска уже готовы были сойтись в битве на море, но Ингкел сказал:

— Не делайте этого. Не пятняйте своей чести. У вас людей больше, чем у меня.

— Ты получишь равный бой, — сказали грабители Эриу.

— У меня есть лучшая мысль, — сказал Ингкел. — Заключим мир, ибо вы изгнаны из Эриу, а мы изгнаны из Альбы и Британии. Заключим договор: вы пойдёте со мной грабить в моей стране, а я пойду с вами грабить в вашей.

Совет Ингкела был принят, и каждая сторона дала поручителей. Мужа Эриу дали Гера, Габура и Фер Рогайна в залог того, что Ингкел получит разрушение по своему выбору в Эриу; затем сыновья Донн Десы получают разрушение по своему выбору в Альбе. Бросили жребий, чтобы решить, куда идти сначала, и жребий выпал идти с Ингкелом.

Тогда они вернулись в Альбу и совершили там своё разрушение; после этого они вернулись в Эриу.

В это время Конайре двигался по Слиге Хуаланд к дому.

Разбойники прибыли вдоль побережья Бреги, напротив Бенд Этайр, и сказали:

— Опустите паруса и соберите корабли в один флот, чтобы нас не увидели с земли; и пусть один быстроногий человек сойдёт на берег и посмотрит, сможем ли мы сохранить лицо перед Ингкелом, предоставив ему разрушение за то разрушение, которое он дал нам.

— Кто пойдёт разведать землю? — спросил Ингкел.

— Пусть это будет человек с тремя дарами: слухом, зрением и суждением.

— У меня есть дар слуха, — сказал Мане Милскотах.

— А у меня есть дары зрения и суждения, — сказал Мане Андое.

— Хорошо, значит, вы и пойдёте, — сказали разбойники.

Итак, девять человек отправились к Бенд Этайр, чтобы услышать и увидеть, что можно.

— Тише! — сказал Мане Милскотах.

— Что такое? — спросил Мане Андое.

— Я слышу шум королевских коней, — ответил Мане Милскотах.

— Я вижу это даром зрения, — сказал его спутник.

— Что ты видишь? — спросил Мане Милскотах.

— Я вижу великолепных коней: высоких, прекрасных, воинственных, благородных, тонко подпоясанных, усталых, проворных, резвых, стремительных, пылких; они мчатся так, что сотрясают большие пространства земли. Они пересека-

ют многие высоты, дивные воды и устья рек.

— Какие воды, высоты и устья? — спросил Мане Милскотах.

— Это нетрудно: Индейн, Култ, Куйтен, Мафат, Аматт, Иармафат, Финди, Госке и Гуйстине. Над колесницами сверкают копья, мечи с рукоятями из слоновой кости лежат у бёдер, серебряные щиты — на локтях, наполовину красные и наполовину белые. На них одежды всякого цвета.

Я вижу также особое, выдающееся стадо: три пятидесятка пёстро-серых коней, малоголовых, красношеих, остроухих, ширококопытных, широконосых, красногрудых, вспотевших, послушных, легко ловимых, быстрых в набеге, резвых, стремительных и пылких; у каждого — своя уздечка из цветной эмали.

Клянусь тем, чем клянётся мой народ, — сказал дальнорский человек, — это кони счастливого владыки. По моему суждению, это Конайре, сын Этерскеле, и мужи Эриу идут по дороге.

После этого Мане Милскотах и Мане Андое вернулись к разбойникам и рассказали им, что слышали и увидели. Множество войска было со всех сторон: три пятидесятка лодок, и в них пять тысяч человек, и десять сотен в каждой тысяче. Паруса были подняты, и лодки двинулись к берегу у Трахт Фуйрбтен.

Когда они уже собирались высадиться, Мак Кехт начал разжигать огонь в доме Да Дерги; и шум искры отбросил

три пятидесятка лодок назад, пока они снова не оказались на краю моря.

— Тише! — сказал Ингкел. — Объясни это, Фер Рогайн.

— Я не знаю, — сказал Фер Рогайн, — разве что это Лухдонн, сатирик Эмайн Махи, хлопает в ладони, когда у него отнимают еду; или крик Лухдонна в Темайр Луахре; или Мак Кехт выбивает искру, зажигая огонь для короля Эриу. Когда он зажигает огонь в середине дома, каждая искра может зажарить сто телят и двухлетнюю свинью.

— Да не приведёт Бог этого человека сюда этой ночью, — сказали сыновья Донн Десы, — ибо это было бы тяжко.

— Это было бы не печальнее того разрушения, которое я обеспечил вам, — сказал Ингкел. — Я был бы весьма доволен, если бы он пришёл сюда.

Тогда они пристали к берегу, и шум, который произвели три пятидесятка лодок, так потряс дом Да Дерги, что оружие на стойках со звоном попадало на пол.

— Объясни это, Конайре, что это за шум? — спросили все.

— Я не знаю, — сказал Конайре, — разве что земля перевернулась; или Левиафан, обвивающий мир, перевернул её своим хвостом; или корабль сыновей Донн Десы пристал к берегу. Увы, что их нет здесь этой ночью, ибо они были дорогими молочными братьями и любимой дружиной фианы, и тогда нам не пришлось бы их бояться.

После этого Конайре прибыл на луг перед домом. Когда

Мак Кехт услышал шум снаружи, он подумал, что воины напали на его людей. Он бросился к оружию, чтобы помочь им, и для тех, кто был снаружи, его прыжок был подобен громовому подвигу трёхсот.

В лодке сыновей Донн Десы стоял герой, могучий в оружии, зловещий на носу лодки, лев неумолимый и страшный — Ингкел Каэх, внук Конмака. Широкий как бычья шкура был один глаз в его голове; семь зрачков было в нём, и все чёрные как жук. Каждое его колено было величиной с котёл для тёпки; каждый кулак — величиной с корзину для жатвы. Каждая ягодица — величиной с сыр на ивовой перевязи; каждая голень — длиной с внешнее ярмо.

И пять тысяч высадились у Трахт Фуйрбтен, по десять сотен в каждой тысяче.

Тогда Конайре вошёл в дом, и все заняли свои места — гейс или не гейс; сели и три Дерга, и Фер Каллиу со своей свиньёй.

После этого к ним пришёл Да Дерга с тремя пятидесятками воинов: у каждого волосы доходили до затылка, и на каждом был короткий зелёный плащ до ягодиц; каждый носил короткие пёстрые штаны и нёс большую дубину из тёрна, обитую железным обручем.

— Добро пожаловать, попа Конайре, — сказал Да Дерга. — Если бы большая часть мужей Эриу пришла с тобой, я всё равно накормил бы их.

Пока они находились в доме, у входа после заката появи-

лась женщина и попросила впустить её. Две её голени были длинны, как ткацкий навой, и столь же черны. На ней был очень ворсистый полосатый плащ. Борода её доходила до колен, а рот находился на одной стороне головы. Она прислонила одно плечо к дверному косяку и бросила злобный взгляд на короля и юношей вокруг него.

И Конайре сказал ей изнутри дома:

— Ну что, женщина, что ты видишь для нас, если ты прорицательница?

— Воистину, я вижу, что ни кожа, ни волос ваш не уйдут из этого дома, кроме того, что птицы унесут в когтях, — ответила женщина.

— Не несчастье мы тебе пророчили, женщина, — сказал Конайре. — Да и ты обычно не пророчишь нам. Как твоё имя?

— Кайлб, — ответила она.

— Имя, в котором нет ничего лишнего, — сказал Конайре.

— Воистину, у меня много других имён, — сказала она.

— Какие же они? — спросил Конайре.

— Это нетрудно, — ответила она. — Самайн, Синанд, Сескленд, Содб, Сайгленд, Самлохт, Кайл, Колл, Дихоем, Дихуил, Дихим, Дихуймне, Дихуинне, Дарне, Дарине, Дер Уане, Эгем, Агам, Этамне, Гним, Клухе, Кетардам, Нит, Немуин, Ноэнден, Бадб, Блоск, Блоар, Уает, Меде, Мод.

И она произнесла всё это на одном дыхании, стоя на одной

ноге у входа в дом.

— Чего же ты хочешь? — спросил Конайре.

— Чего тебе будет угодно, — ответила она.

— На мне гейс: не впускать одинокую женщину после заката, — сказал Конайре.

— Гейс или не гейс, — ответила женщина, — я не уйду, пока не получу гостеприимства в этом доме этой ночью.

— Скажите ей, — сказал Конайре, — что ей пошлют быка, и солёную свинью, и остатки трапезы, если только она пойдёт этой ночью в другое место.

— Воистину, если король не может уделить в своём доме еду и постель одной женщине, если гостеприимство владыки в этом доме не больше этого, тогда что-нибудь будет получено от кого-нибудь другого, от кого-нибудь достойного, — ответила женщина.

— Дик её ответ, — сказал Конайре. — Пусть её впустят, несмотря на гейс.

После этого разговора с женщиной и после её пророчества о гибели великий страх овладел войском, хотя никто не знал почему.

Тем временем разбойники достигли земли и продвинулись до Лекка Кинд Слебе. Дом всегда был открыт, и потому назывался гостевым домом, ибо был подобен рту человека, когда тот зеваает. Каждую ночь Конайре разжигал огромный огонь — словно вебрь в лесу. Семь выходов было у него, и когда с одного его бока брали полено, пламя у каждого вы-

хода было величиной с горящую молельню.

У каждого входа в дом стояло семнадцать колесниц Конайре, и великий свет внутри был виден наблюдателям снаружи сквозь колёса этих колесниц.

— Объясни это, Фер Рогайн, — сказал Ингкел. — Что это за великий свет там?

— Я не знаю, — сказал Фер Рогайн, — разве что это огонь короля.

— Да не приведёт Бог этого человека сюда этой ночью. Это тяжко, — сказали сыновья Донн Десы.

— Каковы свойства его правления в Эриу? — спросил Ингкел.

— Его правление добро, — ответил Фер Рогайн. — С тех пор как он стал королём, ни одно облако не закрывало солнца от середины весны до середины осени. Ни капля росы не падает с травы до полудня; ни один порыв ветра не шевелит хвоста коровы до вечера. Ни один волк не берёт больше одного бычка из каждого загона за год, и семь волков остаются у стены его дома как залог этого соглашения. Есть и другой поручитель — Мак Локк, который защищает их дело в доме Конайре.

Голос каждого человека кажется его соседу мелодичным, как струны арф, и это из-за совершенства закона, мира и доброй воли во всей Эриу. Именно в правление Конайре у нас есть три венца Эриу: венец зерна, венец цветов и венец желудей. Да не приведёт Бог этого человека сюда этой ночью.

Это тяжко. Это свинья, которая падает перед желудями. Это ребёнок, который состарился. Тяжка краткость его жизни.

— Я был бы весьма доволен, если бы он пришёл сюда, — сказал Ингкел. — Это будет разрушение за разрушение. Это разрушение будет для меня не труднее, чем разрушение моей матери, моего отца, моих семи братьев и короля страны, которое я совершил для вас как свою часть договора.

— Верно, верно, — сказали злодеи, сопровождавшие разбойников.

Тогда разбойники двинулись от Трахт Фуйрбтен, и каждый человек взял с собой камень для сооружения кургана. Ибо вот какое различие установили фианы между разрушением и разгромом: для разгрома они ставили камень-столп, а для разрушения строили курган. Поскольку это должно было быть разрушением, разбойники сложили курган, и они построили его далеко от дома, чтобы их не увидели и не услышали.

После этого разбойники держали совет там, где сложили курган.

— Ну что же, — сказал Ингкел тем, кто знал эту страну, — что находится ближе всего к нам?

— Это нетрудно сказать: дом Да Дерги, королевского гостеприимца Эриу, — ответили они.

— Тогда велика вероятность, что вожди этой ночью будут искать там своих товарищей, — сказал Ингкел.

Тогда было решено, что один из грабителей пойдёт и по-

смотрит, как обстоят дела в доме.

— Кто должен пойти посмотреть? — спросили они.

— Кто же, если не я? — сказал Ингкел. — Ведь долг при-
читается мне.

Тогда Ингкел пошёл высматривать дом, пользуясь одним из трёх зрачков своего глаза. Он повернул глаз так, чтобы бросить зловещий взгляд на короля и юношей вокруг него, и посмотрел сквозь колёса колесниц. Однако из дома его заметили, и потому он поспешил назад, пока не вернулся к разбойникам.

Они образовали круги, один вокруг другого, чтобы слышать вести; а в середине кругов находились шесть вождей: Фер Гел, Фер Гар, Фер Рогел, Фер Рогайн, Ломне Друт и Ингкел Каэх.

— Что там, Ингкел? — спросил Фер Рогайн.

— Что бы там ни было, — ответил Ингкел, — обычаи там царские, шум — как у войска, а гул — как у князей. Есть ли там король или нет, я возьму этот дом в уплату долга и разграблю его.

— Мы оставляем это тебе, Ингкел, — сказали молочные братья Конайре, — только не будем разрушать дом, пока не узнаем, кто внутри.

— Хорошо ли ты осмотрел дом, Ингкел? — спросил Фер Рогайн.

— Мой глаз быстро обошёл его, и я принимаю его в уплату таким, каков он есть, — сказал Ингкел.

— Хотя ты и берёшь этот дом, он принадлежит тебе по праву, — сказал Фер Рогайн. — Внутри находится наш приёмный отец, верховный король Эриу, Конайре, сын Этерске-ле. Кого ты видел на месте героя, напротив короля?

— Я видел огромного человека со светлым лицом, — сказал Ингкел, — с ясными сияющими глазами, ровными зубами и лицом узким внизу и широким сверху. Светлые, льняные, золотые волосы были у него, а поверх них — подобающий капюшон; в его плаще была серебряная брошь. В руках у него были меч с золотой рукоятью, щит с пятью концентрическими кругами золота и пятиконечное копьё. Прекрасный, румяный цвет лица был у него, бороды не было, и держался он скромно.

Слева от него, справа от него и перед ним я видел трёх людей, и можно было подумать, что все девять рождены одним отцом и одной матерью. Они были одного возраста и все равны обликом и красотой. У всех были длинные волосы и зелёные плащи с золотыми булавками; все держали в руках круглые бронзовые щиты, ребристые копья и мечи с руко-ятями из слоновой кости. Все они проделывали один и тот же трюк: каждый брал остриё своего меча двумя пальцами и обвивал его вокруг пальцев, а потом меч сам собой выпрям-лялся. Объясни это, Фер Рогайн.

— Это нетрудно, — сказал Фер Рогайн. — Это Кормак Конд Лонгес, сын Конхобара, лучший воин из всех, кто дер-жал щит в Эриу. Скромнен он в поведении. Мало чего он

страшится этой ночью. Воин он в оружии, гостеприимец в хозяйстве.

Из людей вокруг него троих зовут Дунгус, троих — Даэлгус и троих — Дангус; это девять спутников Кормака Конд Лонгеса. Никогда они не убивали людей, когда те были в невыгодном положении, и никогда не щадили людей, когда те имели преимущество. Хорош воин среди них, то есть Кормак.

Клянусь тем, чем клянётся мой народ: девять десятков падут от Кормака при первом натиске, и девять десятков — от его спутников; и падёт также по человеку за каждое оружие и по человеку за каждого воина. Кормак сравнится с подвигом любого человека у входа в дом; он будет хвалиться победами над королями, королевскими наследниками и вождями грабителей; и хотя его спутники будут ранены, сам он спасётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.